

бужденные лица ребят, но глаза их блестели живым огнем.

На столе были расставлены шахматы, домино, тут же наготове была гитара. Собралось более двадцати человек, в комнате было тесно. Разговаривали вполголоса, а то и шопотом, как будто перед торжественным событием. Да так оно и было.

У самого гнезда фашистов, около гестапо, собрались недавние советские школьники, готовые на борьбу и на муки. Когда-то они читали и им рассказывали в школе, как их отцы-большевики вот так же собирались в подполье. Теперь ребята продолжали славное большевистское дело: организовывались на борьбу. Звезда правды ярко горела впереди их пути, и ничто им не было страшно.

Я видела Толю Попова, как всегда аккуратно одетого; Дему Фомина, даже и теперь с трудом удерживавшегося от своих обычных шуток и проказ; Ангелину Самошину, красивую девушку с мягкими светлыми волосами, — голубые ее глаза доверчиво смотрели на товарищей; Васю Левашова, сосредоточенного, решительного; Майю Пегливанову, стройную, высокую, с гордо сжатыми губами; Нину Иванцову, сдержанную, вдумчивую, готовую пойти на любое рискованное дело, оказать немедленную помощь товарищу, — видела ее удивительно глубокие, выразительные глаза, в которых светилась вся ясная душа этой милой девушки; Валю Борц — молчаливую, настороженную, ждущую самых опасных поручений; милого Сережу Тюленина, худенького, почти мальчика, с душой и сердцем воина, и высокого, стройного Жору Арутюянца, поблескивавшего своими черными глазами и, как всегда, сдержанного.

Олег показался мне возбужденным более чем когда-либо.

Он не мог скрыть своего празднично приподнятого настроения, как ни старался. Он был одет в свежую бе-